

Н.Д. Голев

Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 3¹. Синтаксические омофоны и омографы

Омофония и омография предложений – явление, широко представленное в текстах русского языка и хорошо известное грамотным его носителям уже со школы (достаточно вспомнить proverbialную фразу *казнить нельзя помиловать*). На разном материале и в различных аспектах оно изучалось в отечественном языкознании. Имеется немало отдельных работ с интересными наблюдениями и обобщениями по онтологии, функционированию, таксономии синтаксических омофонов и омографов (см., например, [3–12]).

Основной аспект нашего цикла статей предполагает в качестве отдаленной перспективы создание общей концепции омонимических отношений различных типов языковых единиц **с участием их графической формы**, а в практическом плане – сбор, систематизацию и описание полного свода русской омофонии и омографии.

У лексических омофонов и омографов **графическую форму** представляют буквенные написания, у синтаксических – знаки препинания, у синтагмовых – те и/или другие (*а ближе теснина / облизжеться, Нина*); базовым элементом звуковой формы лексических омофонов (омографов) является фонема (фонем-

ный состав слова), синтагмовых – фонемный состав синтагмы и материальные маркеры ее членения, синтаксических – маркеры актуального членения (логические ударения, паузы, интонация и т.п.). Соответственно различаются и единицы **плана содержания** (по глубине и тонкости смыслов), стоящие за тождеством и различием формы лексических, синтагмовых и синтаксических омофонов и омографов. В этом аспекте смыслы, противопоставляющие слитные, дефисные и раздельные написания или, скажем, написания **ВЫ** со строчной и прописной **В**, гораздо ближе к прагматическим смыслам, характерным для синтаксической омофонии, чем лексической.

Трехстороннюю сущность² омофоно-омографических отношений отражает следующая типология, имеющая матричную схему: в схеме (и далее) используются следующие понятия: графическая форма (ГФ), звуковая форма (ЗФ), семантика (С). Мы не включили в эти схемы синтагмовые омофоны, так как их план содержания достаточно однотипен – как правило, омофонические синтагмы представляют собой разные, далекие друг от друга по смыслу звуковые отрезки. Лишь некоторые

Таблица 1

Русская омография

	1	2	3	4	5	6
	ГФ	ЗФ	С	Тип отношений	Пример лексических омографов	Синтаксическая омография
I	+	+	+	Тождество всех трех сторон единицы	<i>Тесто</i> оно и есть <i>тесто</i>	Например, повтор синтаксических единиц в припеве, рефрене
II	+	+	-	«Двойная» (звукографическая) омонимия	<i>Тесто</i> (прямое) / <i>тесто</i> (перен.)	<i>Всем</i> (дат. пад.) <i>он хорош</i> / <i>Всем</i> (твор. пад.) <i>он хорош</i>
III	+	-	+	Фонетическая вариантность, не отражаемая на письме	<i>Творог</i> / <i>творог</i>	Примеров нет. Тип отношений, по-видимому, невозможен ³
IV	+	-	-	«Классическая» омография» (омографодисемия)	<i>Теста</i> / <i>тесты</i> (фонетически <i>тэста</i>)	<i>Он был здесь</i> / <i>Он был здесь</i> / <i>Он был здесь</i>

¹ См. предшествующие статьи: [1; 2].

² Еще раз отметим, что трехстороннюю сущность омофонии и омографии более полно и точно отражают названия «омофонодиграфия» и «омографодисемия», заявленные в первой статье цикла [1].

³ У синтаксических единиц тождество / различие звуковой формы жестоко детерминировано смыслом. И если, например, разные читатели по-разному (с точки зрения актуального членения) озвучивают одно предложение, то в этом случае они его, нужно полагать, по-разному и понимают, а, значит, здесь нужно говорить об омографодисемии (ГФ+, ЗФ-, С-).

Русская омофония

	1	2	3	4	5	6
	ГФ	ЗФ	С	Тип отношений	Пример лексических омофонов	Синтаксическая омофония
I	-	+	+	Орфографические варианты	<i>мамона /маммона</i>	Пунктуационная вариантность (факультативная пунктуация), не связанная со смыслом
II	-	+	-	Классическая омофония (омофонодиграфия)	<i>Стрекоча /стрекача</i>	<i>Всем (дат. пад.) он хорош / Всем (твор. пад.) он хорош</i>
III	-	-	+	Звуковое варьирование, отражаемое на письме	<i>Калоша /галоша</i>	Пунктуационная вариантность (факультативная пунктуация), не связанная со смыслом
IV	-	-	-	Не пересекающиеся по форме и семантике единицы	<i>Теста /тесты</i> (фонетически <i>тэста</i>)	Различие логических ударений: <i>Он был здесь / Он был здесь / Он был здесь</i>

регулярные синтагмовые омофоны включены в сферу дифференциации смыслов, способных реально конкурировать в устной и письменной речи (например, *Это Петя также сделал / Это Петя так же сделал*), однако, здесь нужно учитывать то обстоятельство, что слитно-дефисно-раздельное написание – скорее область синтаксической омофонии/омографии⁴.

Разумеется, данные схемы требуют определенных оговорок прежде всего в плане квалификации вида (качества) и степени семантического и формального тождества/различия единиц, вступивших в омофоно-омографические отношения. Во многом ее (квалификации) результаты зависят от того, какой план (уровень) семантики и формы измеряется. Допустим, в области звуковой формы, если учитывать тонкие интонационные и просодические различия отождествляемых единиц, появляются основания видеть **различия** в звучании даже слов-омонимов: ведь, к примеру, слово КЛАССНАЯ в словосочетании КЛАССНАЯ КОМНАТА (учебный класс) звучит не так, как в словосочетании КЛАССНАЯ КОМНАТА (отличная комната), а значит, с этих позиций КЛАССНЫЙ-1 и КЛАССНЫЙ-2 – не просто омонимы, а омографы (см. об этом явлении [3]). Естественно, что в области синтаксической омографии вопрос о релевантности тех или иных звуковых и смысловых различий актуализируется в еще большей мере, не говоря уже о том, что они могут носить субъектив-

ный характер. Ср. в этой связи шутку: – *Я покажу тебе, как целовать мою дочь? – Спасибо, я это уже умею*. Помимо очевидной лексической омонимии (ПОКАЖУ_{1,2}), ведущей к семантической поляризации между произнесенной и «услышанной» (понятой, интерпретированной) фразами, они (эти фразы) достаточно явно дифференцируются интонационно (следовательно, перед нами омография), и шутка строится на отвлечении от их интонационных различий.

В связи с этим важно подчеркнуть, что существенную роль в вопросе о качественных и количественных оттенках в омофонических и омографических отношениях играет коммуникативный статус сближаемых единиц в его многообразных проявлениях. Например, нуждается в уточнении функциональный статус единиц: системно-нормативной или речевой, в последнем случае может оказаться важным учет того, является ли единица речевым произведением автора (пишущего) или реципиента (читающего, озвучивающего и понимающего)⁵.

Для систематизации разнообразных синтаксических омофонов и омографов в русском языке весьма значимым, на наш взгляд, является такой признак, как статус основного источника: лексический, словообразовательный, морфологический, поверхностно-синтаксический, глубинно-синтаксический (прагматический) и т.п. Определение «основной» здесь, вероятно, необходимо, хотя квалифицировать его

⁴ Здесь принципиально отнесение слитно-раздельно-дефисных написаний к области орфографии или пунктуации. Последняя точка зрения нетрадиционна, но вполне логична (см., например, [13, с. 119]), при ее принятии синтагмовые омофоны заметно «приближаются» к синтаксическим.

⁵ Принято определять омофонию и омографию с позицией пишущего (звучит одинаково, но пишется по-разному; звучит по-разному, но пишется одинаково). Для функциональной лингвистики не менее актуальна позиция адресата, читающего. Так, омография может быть определена следующим образом: написано одинаково, но читается (понимается) по-разному. Что касается «обратного определения» омофонии, то оно представляется неактуальным по причине, уже отмеченной нами (см. прим. 3).

не всегда можно однозначно. В большинстве случаев в создании «омографичности» и «омофоничности» предложений участвуют элементы всех уровней, например, предложения *всем он хорош* (1 и 2) – омографы; причина омографичности в лексической семантике и форме (ВСЕМ – *всё и все*; *хорош* – «умен, добр, красив» и «удобен»), в морфологической семантике и форме (ВСЕМ – тв. пад. ед. ч. и дат. пад. мн. ч.), синтаксической семантике – разное актантное значение ВСЕМ. Для утверждения же о том, что один из уровней здесь «главный», вряд ли есть серьезные основания.

В связи со статусным взаимодействием элементов в омофонических предложениях принципиально подчеркнуть, что отсутствие синтаксического уровня взаимодействия лишает сопрягаемые предложения статуса синтаксических омофонов. Скажем, пары предложений типа *я был в классной комнате* (в КЛАССНОЙ – 1 и 2), *три да три – дырка будет* (ТРИ – 1 и 2) или *от меня до следующего столба... шагом марш!* (СТОЛБ – 1 и 2) не являются синтаксическими омофонами в строгом смысле, так как в них не задействованы синтаксические значения; перед нами простой случай речевой реализации лексической омонимии.

Далее приведем иллюстрации различных типов синтаксических омофонов и омографов, отталкиваясь от статуса «ядра».

1. Синтаксические омофоны с актуальными лексическими оппозициями

ВЕЛИКАН: *Остановились у дома великана / остановились у дома-великана* (+ различия семантики падежной формы);

ВСЁ: *Ты всё пела? / Ты всё пела?* (+ морфологические различия части речи слова ВСЁ: частица и местоимение).

Особенно активны в этой группе **модальные слова и обороты**, совпадающие в плане выражения со знаменательными словами различных частей речи. Здесь широко представлено явление, названное В.В. Виноградовым грамматической омонимией. Собственно синтактико-грамматическая омонимия редка, ср.: *Он действительно герой / Он, действительно, герой*; гораздо чаще встречаются случаи совмещения ее с лексической омонимией:

ВИДНО: *Это видно оттуда / это, видно, оттуда*;

ГОВОРИТЕ: *Говорите, хорошо? / говорите хорошо?*;

ДОЛЖНО БЫТЬ: *Наше положение должно быть вам известно / наше положение, должно быть, вам известно*;

ПОХОЖЕ: *Это, похоже, на море / это похоже на море*.

Отметим возможность синтаксических омофонов, ядро которых составляет омонимические отношения в сфере предлогов и союзов.

И: *А и Б сидели на трубе... / А, И, Б сидели на трубе...*;

КАК: *Богат, хорош собою Ленский, везде был принят как жених / Богат, хорош собою Ленский, везде был принят, как жених*;

ТАК КАК: *Сделал, так как было приказано / сделал так, как было приказано*.

2. Синтаксические омографы с актуальными морфологическими оппозициями (омонимия грамматических словоформ)

ВСЕМ: *Всем он хорош / всем он хорош* (дат. п. мн. ч. или тв. пад. ед. ч.);

ВСЁ: *Грязь покрыла всё: окно, двери, стены / Грязь покрыла всё окно, двери, стены* (ВСЕ – сущ. или прилаг.);

ИМ: *Им приказано идти* (дат. пад. мн. ч. или тв. пад. ед. ч.);

ЛЕЧАТ: Заголовок брошюры «*Как лечат деревья?*» – личное или неопределенное личное значения словоформы ЛЕЧАТ (+ игра падежных форм и синтаксических функций сущ. ДЕРЕВЬЯ);

МАТЬ, ДОЧЬ: *мать любит дочь / мать любит дочь* – совпадение форм им. или вин. пад. ед. ч. создает омографический эффект (+игра синтаксических ролей сущ. МАТЬ и ДОЧЬ, сопровождаемая разным логическим ударением);

СОЛДАТ: *пришли двое матросов и солдат* (род. пад. мн. ч. или им. пад. ед. ч.);

УЧИЛИЩЕ: прием в *училище закончен* (омонимия предл. или вин. пад. сущ. УЧИЛИЩЕ).

Нередко в омофонические и омографические отношения вступают лексемы с **нулевым словоизменением**:

МАДАМ: *видно мадам / видно, мадам* (1, 2). Во всех предложениях возможна игра падежных форм и синтаксических функций сущ. МАДАМ и различных частей речи лексемы ВИДНО (+ омонимия запятой, обособляющей обращения или вводное слово);

ПАЛЬТО: *он осмотрел пальто* – ед. или мн. ч. сущ. ПАЛЬТО.

3. Собственно синтаксические омофоны

В приводимых далее примерах каждый случай представляет большую (открытую) группу конкретных высказываний. По сути, это словарь типовых синтаксических омофонов – омофонических моделей (ср.: [14]). Ха-

рактика особенностей реализации тех или иных моделей выходит за рамки задачи настоящей статьи, определенной нами как **представление омофонического фонда русского языка**, поэтому каждый тип репрезентирует здесь конкретное предложение.

3.1. Пунктуация маркирует различные грамматико-семантические связи между членами предложения

Давно не видел брата, товарища и сестру / давно не видел брата товарища и сестру; Иду, с трудом ее руками раздвигая / Иду с трудом, ее руками раздвигая; Казалось ему: тогда было лучше / Казалось, ему тогда было лучше / Казалось ему тогда: было лучше; Он нежился, как жирный кот, в постели у мадам Трико / Он нежился, как жирный кот в постели, у мадам Трико; Помиловать, нельзя казнить / Помиловать нельзя, казнить; Он отбывал срок, полученный за кражу в колонии / Он отбывал срок, полученный за кражу, в колонии; Я наблюдал, как Филиппо подошел к своим экскурсантам и потом украдкой оглядел свои манжеты / Я посмотрел, как Филиппо подошел к своим экскурсантам, и потом украдкой оглядел свои манжеты.

3.2. Пунктуация дифференцирует обращение и другие члены предложения (ср.: [9])

Человек! – это звучит гордо / Человек, это звучит гордо; И вершина любви это чудо великое – дети / И вершина любви – это чудо великое, дети!; Осторожно: злая собака! / Осторожно, злая собака / Осторожно. Злая собака (подпись). Ср. с предложением, в котором пунктуация не отличает обращения от других членов предложения: Папа, мама и я уже дома (ПАПА – обращение или один из однородных членов; + омонимия запятой).

3.3. Пунктуация дифференцирует уточняющие и другие типы компонентов высказывания

Жуков – дважды орденоносец, наш достойный депутат / Жуков, дважды орденоносец, – наш достойный депутат; По вашему, просвещенному, мнению, у нас плохо / По вашему просвещенному мнению, у нас плохо; Теперь таких дерзких немало / теперь таких, дерзких, немало; Вот внутри фигура римского воина с мечом, памятник Суворову, вот изогнулся Кировский мост (Н. Тихонов) – в тексте перед памятником стоит запятая, и если бы фигура римского воина была памятником Суворову, то, нужно полагать, автором (редактором) было бы поставлено тире.

3.4. Пунктуация дифференцирует прямую и косвенную речь

Он спросил, кто приходил / Он спросил: «Кто приходил?»; Я думаю как раз наоборот / Я думаю: «Как раз наоборот» / Я думаю, как раз наоборот.

3.5. Пунктуация дифференцирует приложение и знаменательные члены предложения

Вам привет от сестры пианистки / Вам привет от сестры-пианистки.

3.6. Пунктуация дифференцирует различные членения предложения

О Русь! Малиновое поле! / О! Русь – малиновое поле!; О чем, думаю, говорите / О чем думаю – говорите!; Что?! Значит, это всё?! / Что значит это всё?!; Ну как же найдется он?! / Ну как же?! Найдется он! Это – общежитие для студентов / Это общежитие – для студентов.

3.7. Пунктуация маркирует разный тип связей между предложениями

Дело не состоится – она откажется и не придет / дело не состоится: она откажется и не придет / дело не состоится, она откажется и не придет.

4. Синтаксические омографы

4.1. Маркер – логическое ударение

*Что ты сказал? / Что ты **сказал**?; Я знаю, **что** он скажет / я знаю, что он **скажет**.*

4.2. Паузы как маркеры разной членимости, не отражаемые графически

Главный конструктор прослушал этот довод, произнесенный задумчивым тоном, совершенно серьезно (СОВЕРШЕННО СЕРЬЕЗНО может быть отнесено в равной мере и к ПРОСЛУШАЛ, и к ПРОИЗНЕСЕННЫЙ); Переключались по-богатырски звонкими и сильными от эха голосами горластые мужики (ПО-БОГАТЫРСКИ может быть отнесено и к ПЕРЕКЛИКАЛИСЬ, и к ЗВОНКИМИ и СИЛЬНЫМИ) (два последних примера из [11]).

4.3. ИмPLICITные синтаксические связи

Музей истории школы №3 (разное семантико-семантическое отнесение словоформы ИСТОРИИ – к МУЗЕЙ или ШКОЛЫ); Лаборатория развития речи и риторики (не маркирована синтаксическая зависимость словоформы РИТОРИКА: от ЛАБОРАТОРИЯ или от РАЗВИТИЯ); «Для новорожденных и будущих мам» – название магазина (слово НОВОРОЖДЕННЫХ мо-

жет быть понято не как независимый субстантив, но как определение к МАМ)⁶.

4.4. Имплицитные дейктические отношения

Двусмысленность, создаваемая местоимением, которое может быть понято как заместитель разных слов, – явление, хорошо известное в стилистике: *Мы ждали Аню и Еву, но ее друзей мы не ждали* – стилистически неудачное предложение из-за его неоднозначного понимания.

5. Пресуппозиционные омографы

Омография пресуппозиционного типа возникает на глубинном уровне порождения и восприятия высказывания. Как правило, пресуппозиция влияет на все уровни семантики высказывания и его компонентов. Например, предложение *Мы с ним еще повоюем* может быть понято двояко: «он» – мой противник или мой партнер; одновременно можно констатировать наличие разных смыслов предлога С, а также целостного (идиоматического) и пословного смысла выражения ЕЩЕ ПОВОЮЕМ (ср. [15; 16]).

Часто двойной смысл касается фраз, смыслы которых выражаются внутренними структурами (связями и оппозициями), не выходящими на «звучащую» поверхность, ср.: *как много девушек вокруг, а мы с тобою не женаты* (во-первых, пресуппозиция самодовольства: «девушки хотят нас женить, мы же вопреки их желаниям, свободны и этим немало довольны»; во-вторых, пресуппозиция самообличения: «к нашему сожалению, не удалось жениться несмотря на обилие возможностей, в чем и раскаиваемся»). Другой пример с вторичным (первичное – за всем контекстом) участием лексической семантики иллюстрирует тост *выпьем за прекрасных дам, которых здесь нет*. Допускаются смыслы: 1. Субстантивный («за кого?»): за неких дам, которые пребывают в данный момент в другом месте; прилагательное ПРЕКРАСНЫХ здесь не выступает как актуальное определение при словоформе ДАМ; союзное слово КОТОРЫХ здесь относится к сочетанию **прекрасных дам**, а эпитет ПРЕКРАСНЫЙ – этикетная номинативная формула; 2. Атрибутивный («за каких дам?») за **прекрасных** дам, которых (=каких!) нет среди дам, присутствующих здесь); очевидна, однако, и лексическая неоднозначность слов КОТОРЫХ и НЕТ (бытийный и релятивный смыслы). В этом же ключе можно трактовать известный шуточ-

ный диалог: *Ночью нам стучат в дверь: «Вам дрова нужны?» – Раздраженно отвечаем: «Нет, не нужны!».* Утром просыпаемся – дров нет (разный смысл – потенциальный и реальный – предикатива НУЖНЫ).

Субъективная природа пресуппозиции делает разное понимание одного высказывания универсальным моментом смыслопорождения и семантизации текста, и границ такой интерпретации по существу нет (по крайней мере, их никто не устанавливал). Соответственно с ней расширяется и представление о границах синтаксической омонимии и омографии, которые в традиционном понимании этих терминов предполагают лишь наиболее «сильные оппозиции», проявляющиеся на поверхностном уровне, например, в простых каламбурах. Но, по сути, ими дело далеко не ограничивается. Покажем это на примерах разного рода речевых двусмысленностей, актуализирующих сопряжение тонких смыслов: в частности, того, который имеет в виду отправитель высказывания, и того, который «извлекает» его получатель.

Скажем, тонкое (для обыденной коммуникации) различие этикетных и информативных иллокутивных смыслов иллюстрирует диалог, в котором адресат на формально-вежливый вопрос «*Как дела?*» всерьез и долго рассказывает о своих делах. Здесь звучание и поверхностная семантика «отправленной» и «принятой» фраз по сути совпадают, и различаются они лишь на прагматическом уровне иллокутивными смыслами; в связи с этими смыслами мы имеем дело со своеобразной «глубинной омонимией» высказывания, при которой члены омонимической парадигмы «распределяются» между говорящим и слушающим, что и приводит к коммуникативной неудаче.

В связи с пресуппозиционными омографами еще раз отметим возможность в этой сфере особо тонкого взаимодействия планов содержания и выражения, размывающего границы омографии с омофонией. Это особенно ярко проявляется при передаче живой разговорной речи, например, при озвучивании письменных диалогов, где часто приходится более уповать на интуицию и речевой опыт, нежели на пунктуацию. При записи живой речи интонацию приходится либо представлять описательно, либо доверять интуиции читателя. С недостаточностью графических средств передачи глубинно-прагматических и поверхно-

⁶ Заметим, что впоследствии в названии магазина однородные члены были переставлены местами.

стно-интонационных планов высказываний встречается любой читатель, озвучивающий текст, который поставлен перед необходимостью выбора той или иной их прагматико-интонационной структуры для адекватной передачи живой речи. Скажем, весьма сложно однозначно озвучить реплику персонажа из рассказа В.М. Шукшина, последовавшую как реакция на совет изменить способы отучения от пьянства по причине «другой жизни»: *«Раньше так пили, как он заливается? Другая жизнь...»*. В подобной ситуации высока вероятность сбоев, связанных с «непопаданием» в авторскую интонацию, членение, логические ударения, за которыми обычно стоит особая авторская интенция; ср. смысловую и интонационную интерпретацию одной «крылатой» фразы в шуточном диалоге, задающем ей другой смысл: Горький предлагает Ленину развивать кино. Ленин отнекивается: *«Да ну его...»*. Горький настаивает. Ленин (сердито): *«Послушать Вас, так из всех искусств для нас важнейшим является кино!»*.

Представленные материалы дают возможность для изучения большого комплекса общетеоретических и специальных проблем, связанных с взаимоотношением плана содержания формы (графической и/или звуковой) их выражения. Актуальным, в частности, представляется исследование таких тем, как «Место омофонии и омографии в общей системе омонимических отношений в языке»⁷, «Членение смысло-звукового потока речи и его интерпретация реципиентом», «Влияние графического облика словоформ на их восприятие, идентификацию, семантизацию (на материале разных видов омофонов)», «Алгоритмы прочтения омографических фраз», «Омография и двусмысленность», «Функционально-семантическая типология синтаксической омофонии и омографии», «Степень звуковой дифференциации синтагматической омофонии и синтаксической омографии», «Полисемия знаков препинания», «Синтаксическая омофония и омография в межкультурном пространстве», «Игровое и эстетическое функционирование омофонии и омографии» и др.

Литература

1. Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды русского языка. Ч. 1. Общие вопросы. Лексические омофоны и омографы // Известия АГУ. 1999. №4.
2. Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Ч. 2. Синтагматические омофоны // Известия АГУ. 2000. №4.
3. Апресян Ю.Д. Типы лексикографической информации об означаемом лексеме // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
4. Панькин В.М. Существует ли синтаксическая омонимия? // Современный русский язык и вопросы диалектологии. М., 1972. Вып. 1.
5. Дрейзин Ф.А. Синтаксическая омонимия в русском языке с точки зрения автоматического анализа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1966.
6. Колесников Н.П. Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов-на-Дону, 1981.
7. Кузнецова Н.И. Влияние ритмико-интонационного оформления на восприятие устной

официальной речи // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28.

8. Кузнецова О.Н. Функционирование синтагмы как семантико-синтаксической и ритмико-интонационной единицы в разговорной и художественной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

9. Основина Г.А. Обращение и омонимичные ему конструкции // Русский язык в школе. 1998. №3.

10. Сергеева Ж. А. О семантическом факторе как критерии разграничения омонимичных синтаксических построений в составе простого предложения в современном русском языке // Языковые единицы. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов-на-Дону, 1998.

11. Фридлендер А.Н. Опыт классификации синтаксических омографов в современном русском языке // Программа и краткое содержание докладов IX научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Л., 1967. Ч. 1.

12. Андреева Т.Я. Неполные и неопределенно-личные предложения, связанные отноше-

⁷ Скажем, весьма существенным в теоретическом отношении (например, в вопросе об основном принципе русской графики и орфографии) является факт практической непредставленности в русском языке лексической омографии, в отличие от лексической омофонии.

ниями омонимии // Языковые единицы в их функционировании. Тюмень, 1993. Деп. в ИНИОН РАН. №48169.

13. Осипов Б.И. Учителю об истории русского письма. Омск, 1999.

14. Семантические модели русских глагольных предложений: Экспериментальный синтак-

сический словарь. Екатеринбург, 1998.

15. Гетман И.М. Лексико-семантические средства создания амбивалентности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.

16. Панькин В.М. Проблемы семантической двойственности высказываний в современной русской речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.